

Н. П. Авдеева

**ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ ПЕРСОНАЖА В ИДИОСТИЛЕ А. П. ЧЕХОВА:
СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ВНУТРЕННЕГО МОНОЛОГА В АВТОРСКОМ ПЕРЕСКАЗЕ
(на материале рассказов и повестей 1880–1903 годов)**

Поступила в редакцию 30.09.2021 г.

Рецензия от 21.10.2021 г.

41

В лингвистике активно изучаются прямой внутренний монолог, поток сознания, внутреннее реплицирование и внутренний диалог как способы отражения внутренней речи персонажа в художественном тексте. Статья посвящена внутреннему монологу в авторском пересказе (ВМАП). Данный способ речемыслительной деятельности становится объектом редких исследований в лингвистике, так как утрачивает особенности естественной внутренней речи – точнее, трансформирует их в содержание. Особенности структуры и функционирования ВМАП представляют научный интерес в аспекте стилистики художественной речи и проявления идиостиля писателя. Цель нашего исследования – определение структуры и функций ВМАП, выявление его роли в идиостиле А. П. Чехова. На основании языковых особенностей плана повествователя и персонажа в прозе А. П. Чехова 1880–1903 гг. мы выделяем предметно-аналитический, словесно-аналитический и импрессионистический ВМАП. Каждый вид ВМАП определяется структурно-семантическими и функциональными особенностями, характеризует творчество писателя. Словесно-аналитический ВМАП близок несобственно-прямой речи, наиболее активно он представляет размышления персонажей в период объективного повествования (1888–1894 гг.) А. П. Чехова. Стилистически маркированные слова и синтаксические конструкции, цитация внешней речи, организующая диалогизацию, актуализируют субъектно-речевые планы повествователя и персонажа, драматизируют мышление героев и создают многоголосное чеховское повествование. Напротив, предметно-аналитический ВМАП исключает индивидуально-речевое своеобразие персонажей, что противоречит многоголосному повествованию. Данный ВМАП представляет общее содержание размышлений персонажей в отдельных рассказах первого (1880–1887 гг.) и второго (1888–1894 гг.) периодов творчества писателя. Импрессионистический ВМАП оформляет внутреннюю речь персонажей на протяжении всего творчества А. П. Чехова. Воспоминания персонажей, свернутые до смысловых доминант, объединены концептуальным значением и отражают впечатления персонажей в импрессионистическом ВМАП. Отмеченные языковые особенности ВМАП и их функционирование являются элементами идиостиля А. П. Чехова.

Direct internal monologue, stream of consciousness, internal replication and internal dialogue are the ways of presenting the character's inner speech

which are actively studied by linguistics. The article considers author's account of internal monologue (AAIM). AAIM is the object of rare research in linguistics due to loss the features of natural inner speech. They are transformed into the content of the AAIM. Scientific interest to AAIM lies in its writing style, manner of expressing Chekhov's individual style. The linguistic features of the narrator and the character distinguish the verbal-analytical, subject-analytical and impressionistic internal monologues in Anton Chekhov's stories 1880 – 1903. Structural, semantic and functional features determine AAIM. Actively the verbal-analytical AAIM presents the inner speech in Anton Chekhov's objective narration period. AAIM approaches the forms of free indirect speech. The linguistic features of the AAIM actualize the subject-speech plan of the narrator and the character. Stylistic elements and syntactic constructions make up Chekhov's polyphonic narrative. Quotations in external speech organize the dialogization of the AAIM. It dramatizes the characters' stream of thinking. On the contrary, the subject-analytical AAIM excludes the speech identity of the characters. It conveys the general content of reflection, but it is not characteristic of Chekhov's multi-voiced narrative. Impressionist AAIM presents inner speech in works of all Chekhov's creative periods. Memories of characters are congested into conceptual meaning and reflect the impressions of the characters. Structurally meaningful and functional features of inner response reveals Anton Chekhov's individual style.

Ключевые слова: внутренняя речь, внутренний монолог, несобственно-прямая речь, А. П. Чехов, проза, идиостиль

Keywords: inner speech, internal monologue, free indirect speech, Anton Chekhov, writing style

Введение: аспекты изучения внутренней речи персонажа

Внутренний монолог в авторском пересказе мы рассматриваем как один из способов представления внутренней речи персонажа в прозе А. П. Чехова — писателя, остро и тонко чувствующего движения внутренней жизни своих героев.

В филологии понимание феномена внутренней речи неоднозначно. Литературоведы анализируют внутренний монолог как средство создания образа персонажа в связи с идейно-художественной проблематикой художественного произведения (О. В. Барабаш, М. М. Бахтин, Л. Я. Гинзбург, В. В. Гурьева и др.). В психолингвистическом аспекте внутренняя речь рассматривается как этап речевой деятельности в рождении высказывания (Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, А. А. Залевская, А. А. Леонтьев, К. Ф. Седов и др.). В лингвистике изучаются формы и способы художественной стилизации речемыслительной деятельности, ее структурно-семантические особенности (И. В. Артюшков, Е. Н. Бобрикова, В. В. Виноградов, В. А. Зименкова, Н. М. Леонова, Н. И. Сакварелидзе, Ю. М. Сергеева и др.). Таким образом, интерес лингвистов вызывают прямые формы внутренней речи в художественном тексте: прямой внутренний монолог, внутренняя репликация, поток сознания, внутренний диалог. Непрямые формы внутреннего монолога в виде автор-

ского пересказа редко становятся предметом исследований. Возможно, это связано с тем, что авторский пересказ редуцирует структурно-семантические особенности внутренней речи.

Внутренний монолог в авторском пересказе: определение, степень изученности проблемы

Основной формой внутреннего монолога в авторском пересказе (ВМАП) является косвенная речь, отражающая «не то, *как* говорится, а то, *что* говорится» [3, с. 303]. Эмоционально-экспрессивные элементы «переводятся из формы речи в ее содержание» [5, с. 138–139]. Следовательно, в косвенной речи автор не воспроизводит речь персонажа, а пересказывает ее.

Изучению непрямых форм внутренней речи в художественных текстах посвящены исследования внутренней речи в форме косвенной речи и косвенного внутреннего монолога, то есть «авторской речи, “пропущенной” через призму сознания персонажа» [16, с. 13] на материале англоязычной художественной литературы; косвенной внутренней речи и тематической внутренней речи в романах Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого [3]; внутренней косвенной речи и внутренней пересказанной речи в немецких и русских художественных текстах XX в. [10].

На основании рассмотренных исследований можно сделать вывод, что ВМАП является одним из способов представления внутренней речи персонажа в художественном тексте. Синтаксически ВМАП оформляется с помощью косвенной речи (придаточная часть в сложноподчиненном предложении) или тематической речи (дополнение в простом предложении после вводящего глагола). Экспрессивные лексические и синтаксические компоненты речи персонажа трансформируются. В повествование ВМАП вводятся глаголами интеллектуальной (как правило, ментальной) деятельности и эмоционального состояния.

ВМАП как непрямой способ представления внутренней речи персонажа в прозе А. П. Чехова не исследовался. Значимой в чеховедении является несобственно-прямая речь, которая рассматривается в аспекте специфики повествования [4; 9; 12; 18], авторской позиции [2], внутренней диалогичности [14].

Цель, материал, задачи и методы исследования

Представляется важным рассмотреть ВМАП как один из способов отражения внутренней речи персонажа, который не воспроизводит структуру речемыслительной деятельности, но представляет ее содержание. Мы считаем, что своеобразие внутренней речи персонажа в художественном тексте находит отражение не только в прямых формах внутреннего монолога, но и в условных, представленных в авторском пересказе. Выявление языковых особенностей ВМАП представляет научный интерес в аспекте стилистики художественной речи, проявления идиостиля писателя.

Цель работы – определить структуру и функции ВМАП, выявить его роль в идиостиле А. П. Чехова.

Материалом исследования стали контексты ВМАП, извлеченные методом сплошного анализа рассказов и повестей А. П. Чехова 1880–1903 гг. Общее количество рассмотренных контекстов ВМАП – 698.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач: выделить контексты ВМАП в прозе А. П. Чехова 1880–1903 гг.; проанализировать структурно-семантические и функциональные особенности ВМАП; сопоставить и систематизировать ВМАП; определить идиостилевое своеобразие ВМАП в соответствии с периодизацией творчества А. П. Чехова, предложенной А. П. Чудаковым [25].

В работе мы используем синтез следующих методов изучения идиостиля писателя: семантико-стилистический, структурно-композиционный, сопоставительный и элементы компонентного анализа.

Используя терминологию М. М. Бахтина для описания косвенной речи в художественном тексте, мы определили виды ВМАП как предметно-аналитический, словесно-аналитический и импрессионистический.

Предметно-аналитический внутренний монолог в авторском пересказе

Предметно-аналитическая модификация косвенной речи не соотносится М. М. Бахтиным с возможностями внутренней речи [5, с. 140–144]. Данная модификация содержит «смысловую позицию» персонажа [5, с. 141], не отражая его индивидуальной речевой особенности.

Предметно-аналитический ВМАП отражает размышления персонажей в рассказах первого (1883–1887 гг.) и второго (1888–1894 гг.) периодов творчества А. П. Чехова.

Так, в рассказе «Казак» внутренний монолог бердянского мещанина Максима Горчакова отражает его отношение к празднику: «Горчаков ехал и думал о том, что *нет лучше и веселее праздника, как Христово воскресенье*» [24, т. 5, с. 382]¹. ВМАП представляет смысловую позицию персонажа, особенности речевого портрета персонажа редуцированы. Или воспоминания старого банкира в рассказе «Пари»: «Старый банкир ходил у себя в кабинете из угла в угол и вспоминал, как *пятнадцать лет тому назад, осенью, он давал вечер*. На этом вечере было много умных людей и велись интересные разговоры» [24, т. 7, с. 91]. Предметно-аналитический ВМАП передает содержание и тему размышлений героев, выполняя сюжетно-композиционную функцию. Такой вид ВМАП не характерен для прозы А. П. Чехова. Предметно-аналитический ВМАП нейтрален к выражению речевых особенностей персонажа, лишен характерологической функции, значимой для идиостиля писателя.

Словесно-аналитический внутренний монолог в авторском пересказе

Особенность словесно-аналитического ВМАП заключается не только в представлении смысловой позиции персонажа, «предмета речи» [5, с. 140], но и в проявлении индивидуальной и/или типовой речевой манеры персонажа.

¹ Здесь и далее в цитатах выделения курсивом и полужирным принадлежат автору статьи.

Словесно-аналитический ВМАП характерен для прозы всех периодов творчества А. П. Чехова, наиболее активно он представляет внутреннюю речь персонажей во второй период (1888 – 1894 гг.). Это может быть связано с тенденцией к объективному повествованию в данный период, заключающемуся в совмещении объективной позиции повествователя и субъективного восприятия персонажа [6]. Главенство героя, активность его голоса отражается в изображении размышлений не только «в духе», но и «в тоне» героев.

При анализе словесно-аналитического ВМАП стилистические особенности лексических единиц, характеризующих персонажей, мы уточнили по толковым словарям Т. Ф. Ефремовой [7], С. И. Ожегова [13], Д. Н. Ушакова [19] и фразеологическому словарю русского литературного языка А. И. Федорова [21].

Семантико-стилистический анализ показал, что словесно-аналитический ВМАП А. П. Чехова насыщен разговорной, эмоционально окрашенной лексикой, разговорными фразеологизмами, характеризующими персонажный план. Таковы **разговорные единицы**, наполняющие ВМАП второго периода творчества писателя: *ломаться* 'кривляться, жеманничать, проявлять в своем поведении претенциозность'; *соватьсь* 'лезть, устремиться куда-нибудь'; *лезть* (с критикой); *вздор*; *променять*; *бестолковый*; *даром*; *пропащий* 'такой, который не удастся вернуть, получить обратно'; *страшно*; *ужасно*; *понадобиться*; *сгодиться*; *выдать* (замуж); *болтовня* и т. д.; **деминутивы**: *папироска*; *глупенький*; *Лидочка*; *платочек*; *сладенький*; *бедняжка*; *уголок*; *садик* и др.; **разговорные фразеологизмы**: *днем с огнем не сыщешь*; *не находят себе места*; *тяжелый день*; *ни в каком случае*; *рано или поздно*; *водить компанию*; *изо дня в день*; *там видно будет*; *прийти в голову* и др.

Так, воспоминания Ивана Петровича Сомова в рассказе «Розовый чулок» насыщены стилистически маркированными компонентами: «Вспоминается ему при этом, как умные женщины вообще тяжелы, как они требовательны, строги и неуступчивы, и как, напротив, легко жить с *глупенькой Лидочкой*, которая ни во что *не суется*, многого не понимает и *не лезет с критикой*» [24, т. 5, с. 298 – 299]. Позиция героя актуализируется в смысловом и стилистическом противопоставлении умных женщин и своей жены, которая описывается деминутивами с уменьшительно-пренебрежительной окраской *глупенькая*, *Лидочка*, а ее поведение разговорными глаголами *соватьсь*, *лезть*. Умные женщины, напротив, изображаются книжными краткими прилагательными *тяжелы*, *требовательны*, *строги*, *неуступчивы*. Стилистически маркированные лексемы в словесно-аналитическом ВМАП сближают его с несобственно-прямой речью, эксплицируя субъективно-оценочную позицию персонажа, несвойственную объективному повествователю, что является особенностью проявления идиостиля А. П. Чехова.

Во ВМАП не только лексические, но и грамматические особенности актуализируют речевую манеру персонажа: вводные слова и конструкции, однородные члены предложения, сослагательное наклонение.

Таков ВМАП Коврина в повести «Черный монах»: «Коврин думал о том, что, *кроме этой девушки и ее отца*, во всем свете днем с огнем не сыщешь людей, которые *любили бы его, как своего, как родного...*» [24, т. 8, с. 197].

Индивидуально-речевая манера персонажа в словесно-аналитическом ВМАП проявляется и лексически в разговорном *существо*, фразеологизме *днем с огнем*, и синтаксически в вводном предложении «*кроме этой девушки и ее отца*», сослагательном наклонении «*любили бы его*», однородных членах предложения с повторением сравнительного союза как «*как свое-го, как родного*», отражающего интонации героя.

Сочетание союзов *что если бы* или *что когда* придает словесно-аналитическому ВМАП интонации прямой внутренней речи.

В рассказе «Воры» реакция фельдшера на молодую девушку, собирающую бусы: «Любка раздражала его, ползая по полу около скамьи, и он подумал, **что если бы** здесь не было Мерика, то он непременно вот **встал бы** и обнял ее, а что дальше, там **было бы** видно» [24, т. 7, с. 177]. Или размышления Якова в рассказе «Скрипка Ротшильда»: «Лицо у него было багрово и мокро от пота. Он думал о том, **что если бы** эту пропащую тысячу рублей положить в банк, то в год проценту **накопилось бы** самое малое — сорок рублей» [24, т. 8, с. 255]. Условный союз *если бы* характеризует интеллектуально-оценочную деятельность персонажей, их психические реакции — сильное желание обнять Любку в рассказе «Воры», сильное желание обогатиться в рассказе «Скрипка Ротшильда». Одновременно условные предложения реализуют значение «сожаления по поводу неосуществленности (или неосуществимости) намерения, недостижимости желаемого» [15, с. 566], что характеризует безрадостное видение мира чеховскими персонажами.

Вводные слова с модальным значением активны в словесно-аналитических ВМАП во второй период (1888 — 1894 гг.) творчества А. П. Чехова акцентируют субъектно-речевые планы повествователя и персонажа.

Таковы воспоминания Анны Акимовны в рассказе «Бабье царство»: «Анна Акимовна вспомнила, что *Лысевич и, кажется, Крылин* в прошлом году обедали у нее, и теперь, когда они собрались уходить, она искренно и умоляющим голосом стала доказывать им, что так как они уже больше никуда не поедут с визитом, то должны остаться у нее пообедать» [24, т. 8, с. 237]. Или в повести «Три года» размышления Лаптева, наблюдающего за Ярцевым во время завтрака: «Лаптев следил за ним невольно и думал о том, что, **быть может, придется жить еще тринадцать, тридцать лет...** И что придется пережить за это время? Что ожидает нас в будущем?» [24, т. 8, с. 386] и др.

Количество модальных слов во ВМАП со значением «неуверенности в достоверности сообщаемой информации» [8, с. 27] *быть может, должно быть* и «предположения» *вероятно* и *казаться* значительно превышает количество слов со значением «полной достоверности сообщаемого» *разумеется* и «допущения возможного, склонность согласиться» *пожалуй*. Анализ частотности модальных слов и их значений в ВМАП показал сомневающимся персонажей, избегающих оценок даже в скрытой от посторонних «речи для себя».

Внутренняя речь в художественном тексте характеризуется диалогичностью. В прямом внутреннем монологе диалогичность отражается в вопросительных предложениях, вопросительных цепочках, вопросо-ответных единствах, обращениях, императивах и т. д. [1; 11; 17; 20; 22].

Особенность ВМАП заключается в ограниченности синтаксической диалогичности. Однако диалогизация мышления персонажей в прозе А. П. Чехова представлена цитацией, введением во ВМАП чужой внешней речи.

Так, в рассказе «Володя большой и Володя маленький» цитирование речи «всех в доме» диалогизирует мышление Софьи Львовны: «Мысли у нее путались, и она вспоминала, как полковник Ягич, ее теперешний муж, когда ей было лет десять, ухаживал за тетей, и *все в доме говорили, что он погубил ее, и в самом деле тетя часто выходила к обеду с заплаканными глазами и все куда-то уезжала, и говорили про нее, что она, бедняжка, не находит себе места*» [24, т. 8, с. 174]. В детские воспоминания героини проникают оценочные цитаты «всех в доме»: «он погубил ее»; «она, бедняжка, не находит себе места». Согласие Софьи Львовны со «всеми в доме» диалогизирует ее размышления: «*в самом деле*», «*часто*» маркируют степень достоверности утверждения. Диалогизация ВМАП создается наложением субъектно-речевых планов персонажей или повествователя и персонажей, что типично для прозы А. П. Чехова, драматизирует размышления героини, создает полифонический эффект, отражая специфику идиостиля писателя.

ВМАП Ольги Ивановны в рассказе «Попрыгунья» строится на введении элементов речи художников и любителей живописи: «В последнее время Ольга Ивановна вела себя крайне неосторожно. Каждое утро она **просыпалась** в самом дурном настроении и **с мыслью**, что она *Рябовского уже не любит и что, слава богу, все уже кончено*. Но, напившись кофе, она **соображала**, что *Рябовский отнял у нее мужа и что теперь она осталась без мужа и без Рябовского*; потом она **вспоминала** разговоры своих знакомых о том, что *Рябовский готовит к выставке нечто поразительное, смесь пейзажа с жанром, во вкусе Поленова, отчего все, кто бывает в его мастерской, приходят в восторг*; но ведь это, думала она, он создал под ее влиянием и вообще, благодаря ее влиянию, он сильно изменился к лучшему» [24, т. 7, с. 366–367]. Разнообразие глаголов, вводящих ВМАП, отражает разнообразности мыслительных действий героини: *просыпалась с мыслью, соображала, вспоминала*. Проникновение слов внешней речи *выставка, нечто поразительное, смесь пейзажа с жанром, во вкусе Поленова, приходят в восторг* диалогизирует мышление персонажа. Наложение субъектно-речевых планов героини и «друзей и добрых знакомых» создает полифонизм в размышлениях Ольги Ивановны. Однако диалогические процессы в размышлении героини, живущей чужой жизнью, отсутствуют, что отражает особенность ее мышления.

Пересечение субъектно-речевых планов повествователя и персонажей организует многоголосное повествование, типичное для несобственно-прямой речи.

Словесно-аналитический ВМАП характерен для первого и особенно второго периода объективного повествования. Особенность идиостиля А. П. Чехова заключается в проникновении в ВМАП индивидуально-речевых черт персонажей, несмотря на свойство ВМАП сокращать разговорные элементы и трансформировать «план выражения» в «план содержания». В прозе третьего периода количество контекстов ВМАП незначительно, что связано с усиливающейся тенденцией представления внутренней речи формами несобственно-прямой речи.

Импрессионистический внутренний монолог в авторском пересказе

Под импрессионистической модификацией косвенной речи М. М. Бахтин понимает сокращенную до «тем и доминант» внутреннюю речь в художественном тексте [5, с. 144]. В таких формах ВМАП отражается пассивность и настроение персонажей, «фиксируются ситуационные мыслительные ситуации, раскрываются внутренние переживания и эмоциональный настрой говорящего» [23, с. 91]. Структурно доминанты импрессионистического ВМАП представляют собой распространенные и нераспространенные однородные дополнения в простом предложении или однородные изъяснительные предложения в сложноподчиненной конструкции. Доминанты воспоминаний формируют «“эмоциональные точки” посредством ассоциативной связи» [23, с. 167]. Целостное восприятие читателем сокращенных до смысловых доминант размышлений и воспоминаний героев схоже с впечатлением зрителя от целостного восприятия отдельных мазков импрессионистической живописи.

Так, в рассказе «Переполох» однородные дополнения в целостном читательском восприятии складываются в единое воспоминание: «Машенька вспомнила *волнение швейцара, переполох, который все еще продолжался, заплаканную горничную...*» [24, т. 4, с. 91 – 92]. Распространенные однородные дополнения *волнение, переполох, заплаканная горничная* образуют цепочку доминант, в которой можно выделить концептуальное значение ‘беспокойство, тревога’. Доминанты эксплицируют впечатление Машеньки, наблюдающей суету и волнение в доме, ее ощущение тревоги.

Импрессионистический ВМАП в прозе А. П. Чехова вводится в авторское повествование, как правило, глаголами памяти *вспомнить, вспоминать, помнить*. По определению словаря С. И. Ожегова *память* – ‘способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта’. Таким образом, значение ‘впечатления’ содержится и в семантике глагола, вводящего импрессионистический ВМАП, и в концептуальном значении доминант воспоминаний.

В поздних рассказах импрессионистический ВМАП представляет воспоминания, которые постоянно занимают сознание героев: *стал опять думать, как-то все думалось, он размышлял долго, каждый день думала* и т. п.

Таковы раздумья Марьи Васильевны по дороге домой в позднем рассказе «На подводе»: «И *опять* она думала *о своих учениках, о стороже, об учительском совете*; и когда ветер доносил справа шум удалявшейся коляски, то эти мысли мешались с другими» [24, т. 9, с. 217]. На постоянное возвращение героини к тревожным мыслям указывает наречие времени *опять* в авторской ремарке. Однородные дополнения-доминанты *ученики, сторож, совет* объединены в сознании Марьи Васильевны концептуальным значением ‘школа’. Или в поздней повести «Мужики»: «Вздремнешь, забудешься, и вдруг кто-то трогает за плечо, дует в щеку – и сна нет, тело такое, точно отлежал его, и лезут в голову все мысли о смерти; повернулся на другой бок – о смерти уже забыл, но *в голове*

бродят давние, скучные, нудные *мысли о нужде, о кормах, о том, что мука вздорожала*, а немного погодя опять вспоминается, что жизнь уже прошла, не вернешь ее...» [24, т. 9, с. 181]. Размышления о дороговизне и нужде возникли у героя задолго до настоящей ночи, о чем свидетельствует авторская ремарка «*в голове бродят давние, скучные, нудные мысли*».

Наречия и словосочетания, обозначающие повторяемость действий (*опять, каждый день*), и наречия, обозначающие продолжительность действия (*долго, все* и др.), актуализируют постоянное обращение персонажей к одним и тем же мыслям, погруженность в воспоминания.

Импрессионистический ВМАП характерен для всех периодов творчества А. П. Чехова. Данный вид ВМАП представляет собой, как правило, воспоминания персонажей, вводится в авторское повествование глаголами памяти или словосочетаниями со значением 'воспоминание'. Сюжетно-композиционная функция заключается в сжатом отображении воспоминаний, представленных смысловыми доминантами. Общей чертой всех периодов творчества писателя является объединение доминант ВМАП концептуальным значением, актуализирующим впечатление персонажа. Отличительная особенность импрессионистического ВМАП позднего периода творчества А. П. Чехова заключается в постоянном возвращении героев к одним и тем же воспоминаниям, на что указывает авторская ремарка.

Выводы

Таким образом, ВМАП мы определяем как один из способов представления внутренней речи в художественном тексте, утративший специфику протекания мыслительной деятельности, но сохранивший ее содержание и элементы индивидуально-речевой манеры персонажа.

Рассмотренные словесно-аналитический, предметно-аналитический и импрессионистический ВМАП характеризуются структурно-семантическими и функциональными особенностями. *Предметно-аналитический ВМАП* организует размышления персонажей первого и второго периода творчества А. П. Чехова. ВМАП организуется придаточным предложением и не отражает особенности речевой манеры персонажей, не характерен для многоголосного чеховского повествования. Его функция — кратко передать «смысловую позицию», то есть содержание и тему размышлений героев. Наиболее активный способ представления ВМАП в прозе А. П. Чехова второго периода творчества — *словесно-аналитический*. Второй период объективного повествования определяет тенденцию писателя к организации внутренней речи формами несобственно-прямой речи. Актуализация субъектно-речевого плана персонажа в придаточной части словесно-аналитического ВМАП лексическими и грамматическими средствами сближает ВМАП с формами несобственно-прямой речи, что является особенностью проявлением идиостилия А. П. Чехова. Включение во ВМАП цитат из внешней речи персонажей диалогизирует ВМАП, создавая многоголосие, (следовательно, полифоничность повествования) и также отражая специфику идиостилия писателя. Импрессионистический ВМАП характерен для всех периодов творчества А. П. Чехова, оформляется однородными дополнениями или

предложениями. Доминанты воспоминаний персонажа, объединенные концептуальным значением в целостное размышление, оформляют *импрессионистический ВМАП*. Его функция — отражение впечатлений персонажей посредством обобщения размышлений и постоянного возвращения к одним и тем же мыслям.

Список литературы

1. Авдеева Н. П. Диалогизация внутреннего монолога персонажа (на материале прозы А. П. Чехова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8, ч. 2. С. 13–15.

2. Андреева Е. В. Речь героя и позиция автора в поздних рассказах А. П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.

3. Артюшков И. В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе: На материале романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.

4. Барлас Л. Г. Язык повествовательной прозы Чехова. Проблемы анализа. Ростов н/Д, 1991.

5. Волошинов В. Н. (М. М. Бахтин) Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М., 1993.

6. Грицай Н. А. «Точки зрения» в эпике А. П. Чехова: специфика поэтики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011.

7. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М., 2000.

8. Казарина В. И., Рыбина Ю. А. Вводные слова как маркер модальной оценки в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 11. С. 24–32.

9. Кожевникова Н. А. Об особенностях стиля Чехова (несобственно-прямая речь) // Вестник Московского университета. Сер. 8: Филология, журналистика. 1963. № 2. С. 44–51.

10. Леонова Н. М. Прагматика обращенности внутренней речи в немецких и русских художественных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

11. Моисеева-Пронь Н. В. Диалогизация речи как особенность поэтики А. П. Чехова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2009. № 4. С. 74–83.

12. Моргулева О. М. Формы авторского повествования в прозе А. П. Чехова конца 80-х–90-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

14. Прихватилова О. А., Фотина Н. Э. Специфика средств внутренней диалогичности в прозе А. П. Чехова 1888–1894 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2016. Т. 15, № 2. С. 120–128.

15. Русская грамматика. Синтаксис. М., 1980.

16. Сергеева Ю. М. Внутренняя речь как особая форма языкового общения (на материале англоязычной художественной литературы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.

17. Скорик К. В. Синтаксические языковые средства и маркеры диалогизации внутреннего монолога персонажа в рассказах С. Хилл // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6, ч. 3. С. 153–157.

18. Степанов С. П. Субъективация повествования и способы организации текста : На материале повествовательной прозы Чехова : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002.

19. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

20. Томилова Т. П. Синтаксическая организация художественной внутренней речи // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2020. №4. С. 43–51.

21. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.

22. Фотина Н. Э. Особенности функционирования категории внешней диалогичности в прозе А. П. Чехова // Научный диалог. 2016. №4. С. 84–95.

23. Ходус В. П. Импрессионистичность драматургического текста А. П. Чехова / под ред. К. Э. Штайн. Ставрополь, 2006.

24. Чехов А. П. Собр. соч. : в 12 т. М., 1985.

25. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М., 1971.

Об авторе

Надежда Петровна Авдеева — преп., Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия.

E-mail: avdeevanp@gmail.com

The author

Nadezhda P. Avdeeva, Lecturer, V. I. Razumovsky's Saratov State Medical University, Russia.

E-mail: avdeevanp@gmail.com